

Париж в подарок или Чрезвычайная тройка.

День первый, ч. 2: Нотр-Дам-де-Пари

Следующим номером Танькиной бескрайней программы, которую она, как пчелка, летела еще с зимы, был Нотр-Дам-де-Пари, куда ж без него... По сравнению с прошлым визитом с его фронтона исчезли сети и полотнища, прикрывающие реставрационные работы, что собору оказалось очень к лицу.

Некогда Собор был так плотно окружен домами, что увидеть его фасад целиком было практически невозможно. Барон Османн расчистил перед ним широкую площадь, снес все дома вокруг, и в их числе - таверну «Сосновая шишка», где встречались Мольер, Буало и Расин, и дома, где они жили. Так что, наверно, здорово было бы увидеть Собор издали и постепенно приближаться к нему по мощеному камнем пустому пространству, где ничто не отвлекает взгляд. Только мы такой возможности не имели – вся площадь ныне перегорожена крытыми мостками, образующими трибуну, как на стадионе, наверно, для удобства разглядывания собора, что опять-таки не позволяет увидеть фасад целиком во всей его высоте. Ну стоило ли ради этого сносить дома-современники Собора?

Справка. В середине IV века здесь стояла ранняя базилика, потом романская церковь. В 1163 году на ее месте епископ Морис де Сюлли, ученый-богослов, университетский преподаватель и государственный деятель при Филиппе II Августе заложил новый собор, строительство которого заняло 182 года. Окончательно заверченный в 1345 году, Нотр-Дам вмещал девять тысяч человек — это самый большой в Европе храм периода ранней готики.

Если считать основной особенностью готической архитектуры стремление вверх, то надо признать, что фасаду собора Парижской Богоматери, вследствие преобладания в нем горизонтальных линий, недостает строгой выдержанности стиля, но именно по этой причине обычно восхищаются им противники готической последовательности; на самом деле

благородство пропорций этого фасада, которому не вредит его грузность и оригинальность отделки, делает его одним из великолепнейших во всем мире созданий ранней готики.

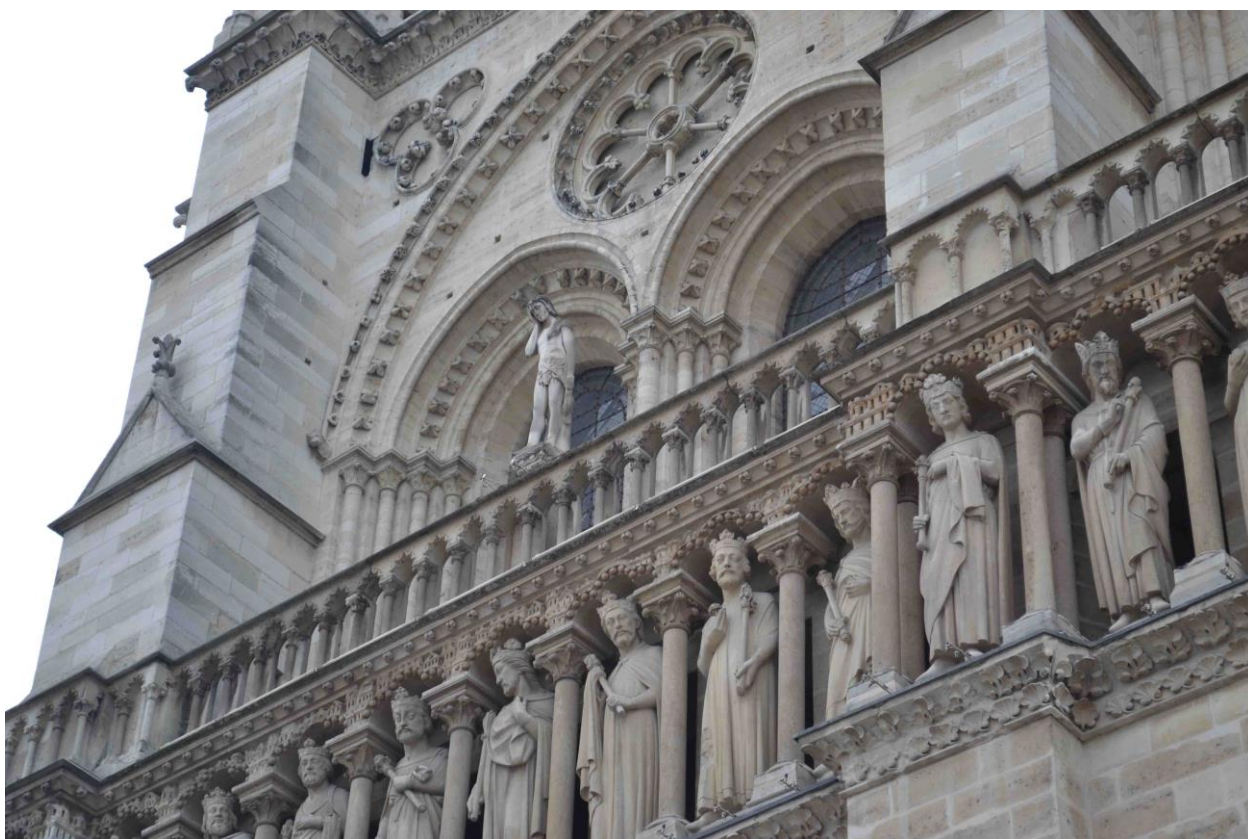
Собор, конечно, красив. Но как-то по-романски: массивные квадратные башни не имеют островерхих окончаний, арки окон, галерей и поясов почти

круглые, окно-роза не очень велика... Ажурные верхи колоночного пояса, конечно, готические, но само украшение пояском колонн и арочной галереей – типично романское. Готику выдает обилие превосходных скульптур, но и только: никаких типично готических элементов, увиденных в часовне Сен-Шапель, тут нет, кроме гаргулий на водостоках боковых фасадов, но о них речь впереди. А главное – никакой устремленности ввысь, легкости и воздушности – все очень крепко, приземленно и устойчиво, причем, как следует из справки, отражающей описание К. Вермана, не одна я так думаю. В общем, перед нами огромный, богато и изысканно украшенный романский храм. Вазари бы понравился. Понравился он и провинциалу из Наварры Генриху IV. Мне – тоже.

Фигуры, заполняющие пояс над порталами, - изображения древних иудейских царей, которых взбунтовавшаяся чернь во время Великой революции приняла за ненавистных французских королей, сбросила вниз и разбила. То, что стоит на фасаде сейчас – результат реставрации Виолле-ле-Дюком в 1850-х годах. Тела фигур удалось «починить», а головы, отрубленные бунтовщиками, вылеплены заново; некоторые подлинные

головы, правда, сохранились: мы видели их в Музее средневековья.

Во время революции, провозгласившей войну религии, собор чуть было не снесли – его спас Дени Дидро (атеист, между прочим), просто выкупив у правительства. В какое-то время здесь был устроен Храм Разума. Потом, когда все вернулось на круги своя, собор был заплеван и заброшен. Внимание общества к нему привлек Виктор Гюго, после чего и началась его реставрация под руководством Эжена Виолле-ле-Дюка.

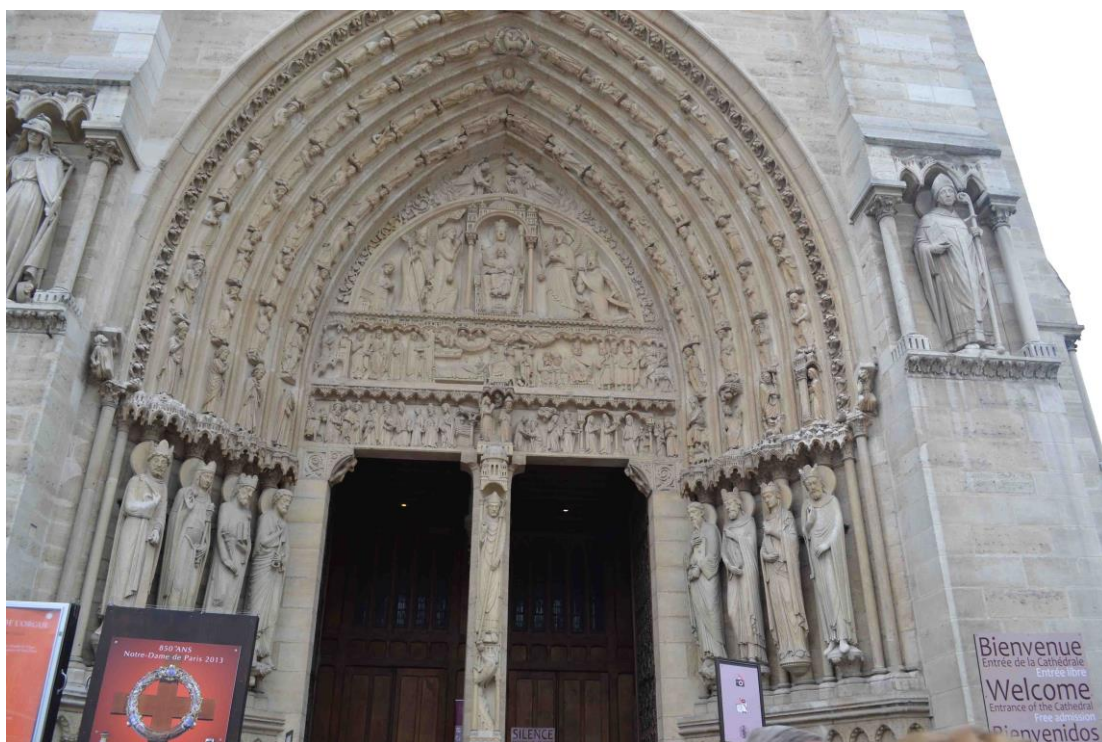
Вот тут-то этому знатоку готики, а также буйному фантазеру, выдумщику и романтику было, где развернуться! Он точно знал, как должен был выглядеть готический храм! Целая мастерская скульпторов изваяла кучу горгулий-химер, чертей и прочих забавных фигур, размещенных на кровле и воспетых затем в романе «Собор Парижской богородицы», он же присобачил Собору готический шпиль – как же без него! При этом он как-то не учел – (а может, не захотел?), - что в начале строительства это был всего лишь второй храм новой системы (первый был начат на 30 лет раньше в аббатстве Сен-Дени и послужил образцом), и готика к тому времени только родилась и не успела выработать характерные формы, развившиеся в следующем, XIII в. В общем, после осмотра западного фасада создается впечатление, что Нотр-Дам-де-Пари – наивысшая точка расцвета романской архитектуры, с легкой руки мистификатора Виолле-ле-Дюка причисленный к разряду готических. При осмотре интерьера это впечатление еще более укрепились.

А пока что мы спустились с мостков, заняли очередь в длиннющем хвосте на вход, извивающемся по небольшому свободному остатку Папертной площади (где-то тут должен находиться нулевой меридиан, но мы поленились его искать), и, пока хвост медленно вползал внутрь, я успела подробно сфотографировать знаменитые порталы.

Готический характер порталов несомненен. Он выражается не только в стрельчатой форме портала, но и в самом факте украшения его множеством скульптур.

Правый портал Святой Анны - старейший, еще XII в. Согласно К. Верману, это «первые шаги французской монументальной скульптуры в XII столетии на ее пути к готике».

Да, честно сказать, не очень меня впечатлили эти спящие фигуры. Как же, наверно, надоело им тут стоять столько веков!

Справка. К. Верман: «Четвертому шартрскому мастеру, ... исполнившему чистую, грациозную Мадонну правого шартрского тимпана /правого портала Собора Шартра – Т./, несомненно принадлежит знаменитая Мадонна над «Дверями св. Анны» (Porte St. Anne), на правой стороне западного фасада собора Парижской Богоматери. Поэтому Фёге называет этого художника «мастером двух Мадонн». Так как он превосходил остальных трех шартрских мастеров в отношении понимания природы, чувства стиля и тонкости вкуса, то круг его деятельности должен был простирается за пределы Шартра. Типы его голов, с их широкими, выпуклыми лбами, сильно вырезанными ноздрями и приподнятыми углами глаз, привлекательны и полны индивидуальной жизни».

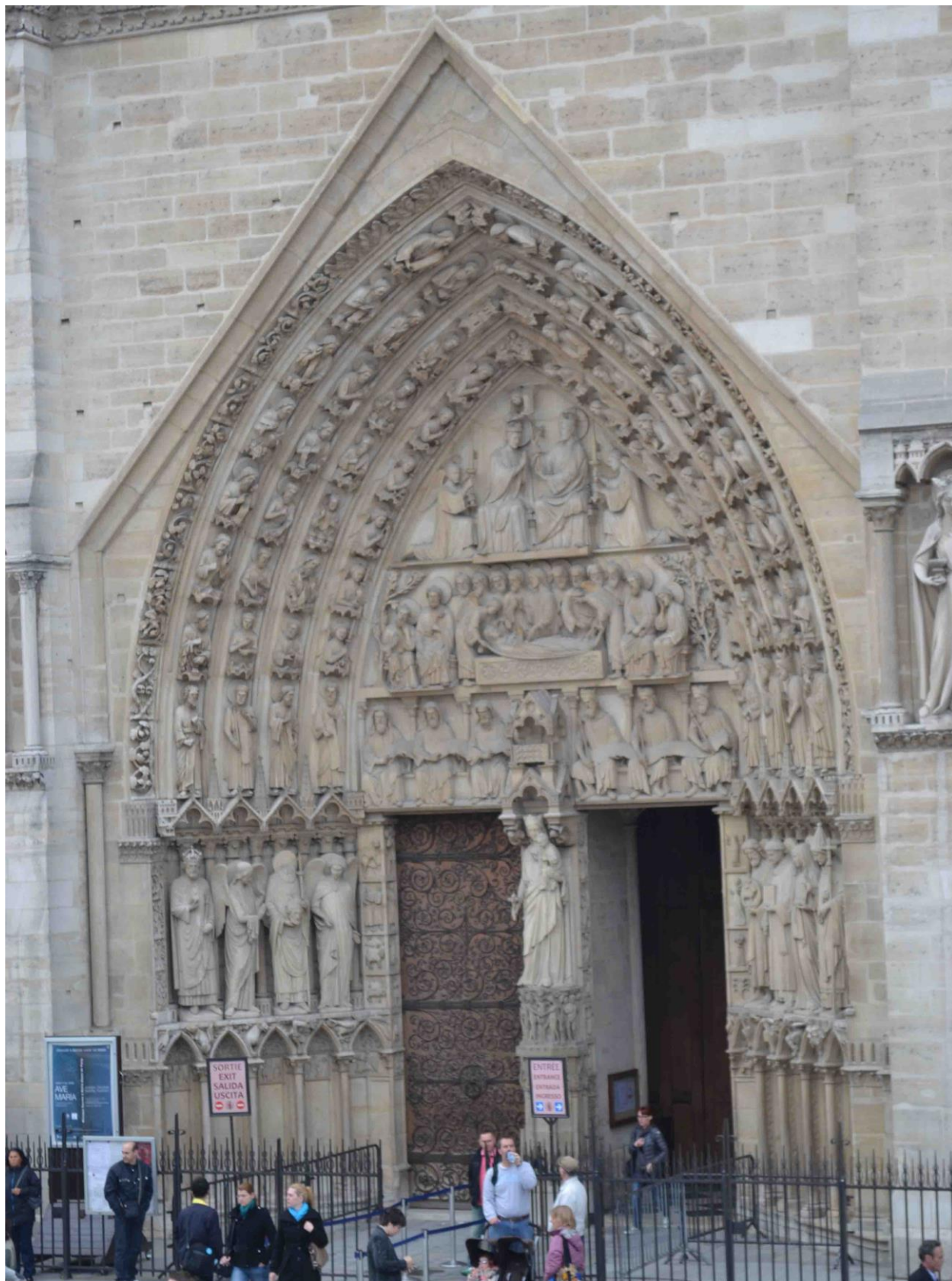

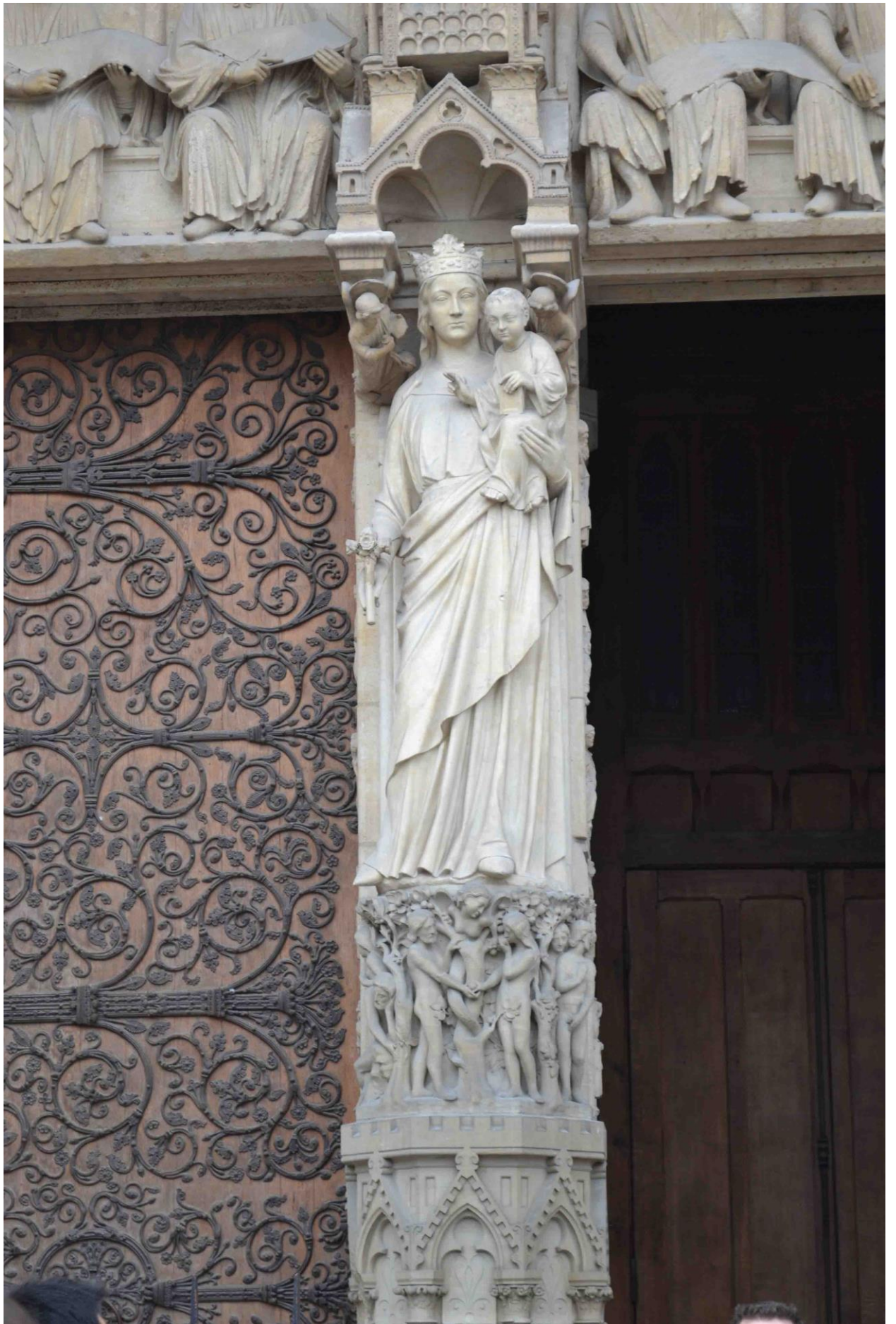
Ну что ж... наверно не зря умные люди так говорят... Только какая тут индивидуальная жизнь, если они все спят? Окружение Мадонны в тимпане тоже не вполне совершенно. Действительно, первые шаги... А впрочем, если сравнить их с работами Антелами того же XII в., которые мы видели в Баптистерии Пармы, то видно, что французская скульптура относится к ним как старшеклассник к детсадовцу:

Справка. Левый портал «Двери Марии» - самый гармоничный. Изваяние Богоматери на среднем косяке этого портала отличается замечательным благородством форм и грациозностью движений; с большей

ясностью компонованы рельефы тимпана, расположенные в три ряда, один над другим: внизу представлены сидящие пророки, в среднем ряду — погребение Богородицы, в верхнем поле, ограниченном вершиной стрельчатой арки, — ее небесное коронование.

Вот с этим нельзя не согласиться! А фигуры святых на косяках?

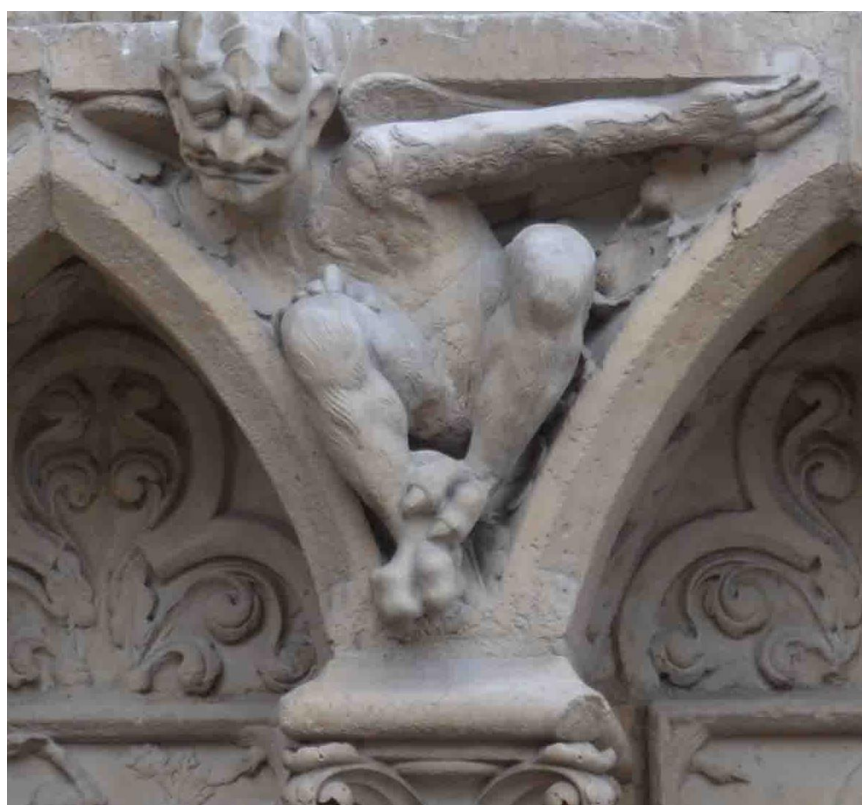
Справка. «В скульптурах как Парижского, так и Шартрского соборов по более твердым позам фигур, по большей натуральности голов и форм тела, по большей ясности, широте и меньшей изысканности драпировок, главным же образом, по лучше понятой связи между скульптурами и частями здания, от которых они неотделимы, мы убеждаемся, что перед нами — произведения классической французской пластики XIII столетия, но что переход к ней совершался постепенно. ...вместе с большей свободой творчества проявляются некоторая внутренняя суровость и строгость. Подвижность отдельных фигур не превратилась еще в ту преувеличенную, беспокойную оживленность, которой отличаются скульптуры зрелого готического стиля и которая достигается посредством изгиба туловища, откинутых назад плеч и выдвинутых вперед колен. ...Даже в Париже позднейшие скульптуры западного фасада выполнены с жесткими и угловатыми складками».

Что касается складок одежды — они все показались мне вполне естественными. Но здесь действительно можно проследить эволюцию

мастерства: скульптуры двух других порталов, выполненные в XIII в., не идут ни в какое сравнение с первыми! Да, изображенные особы сдержанны и полны достоинства, но они же живые! Даже Сен-Дени с отрубленной головой! Даже ангелы, которые его ведут, хотя они и не люди по определению!

А еще меня поразили так сказать «второстепенные члены», например, фигуры черта и каких-то странных персонажей под ногами святых: как натурально высечено их тело — хоть обнаженное, хоть одетое, позы — странные, образующие закономерный рисунок, но вполне естественные для человека, разместившегося в низком треугольном пространстве, а как выразительны и натуральны их гримасы!

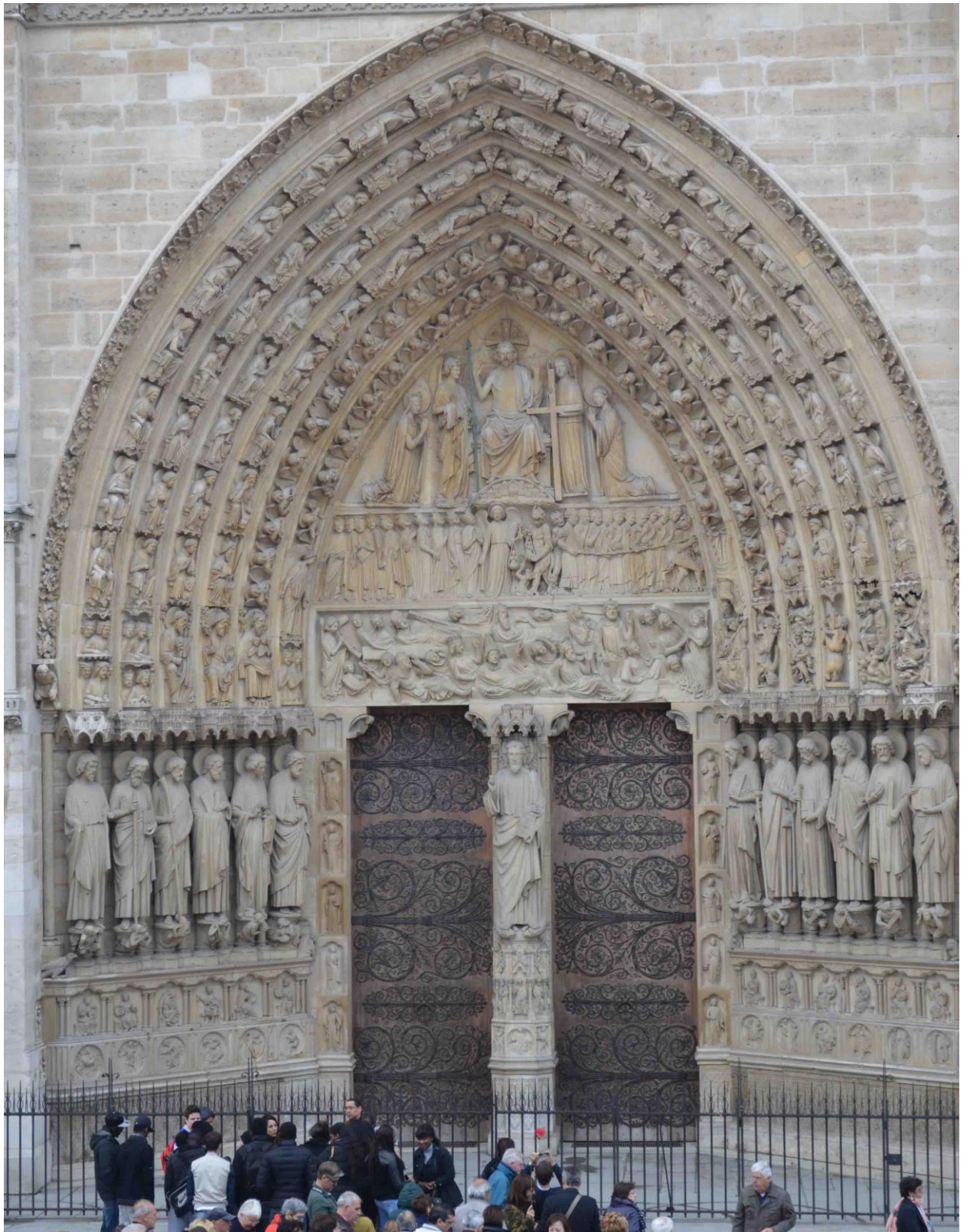

А как хороши фигуры и позы Адама и Евы под ногами Мадонны! А ведь это всего лишь XIII век!

Центральный главный портал Страшного суда: «Здесь мы имеем дело уже с почти зрелым, почти совершенным искусством».

Справка. «Христос на среднем столбе, апостолы, по шесть с каждой стороны, в боковых уступах портала; всем этим еще довольно длинным фигурам даны важные, спокойные, хотя и внутренне оживленные позы».

По-моему, они общаются! Опять-таки, обратите внимание на подножные фигуры!

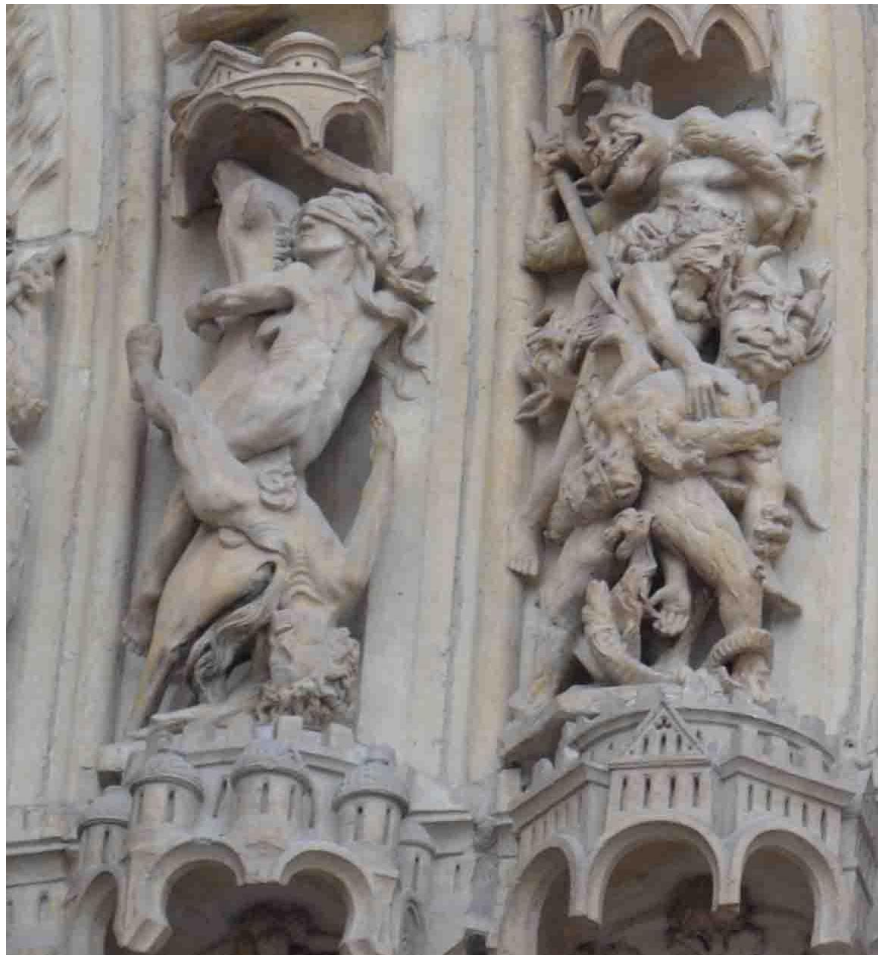
«В стрельчатом тимпане над дверями расположена в три ряда композиция «Страшный Суд», заканчивающаяся величественным

изображением Судии мира, сидящего на престоле... он отделяет души праведных от неправедных. Тут же грешников черти заковывают в цепи и влекут в ад».

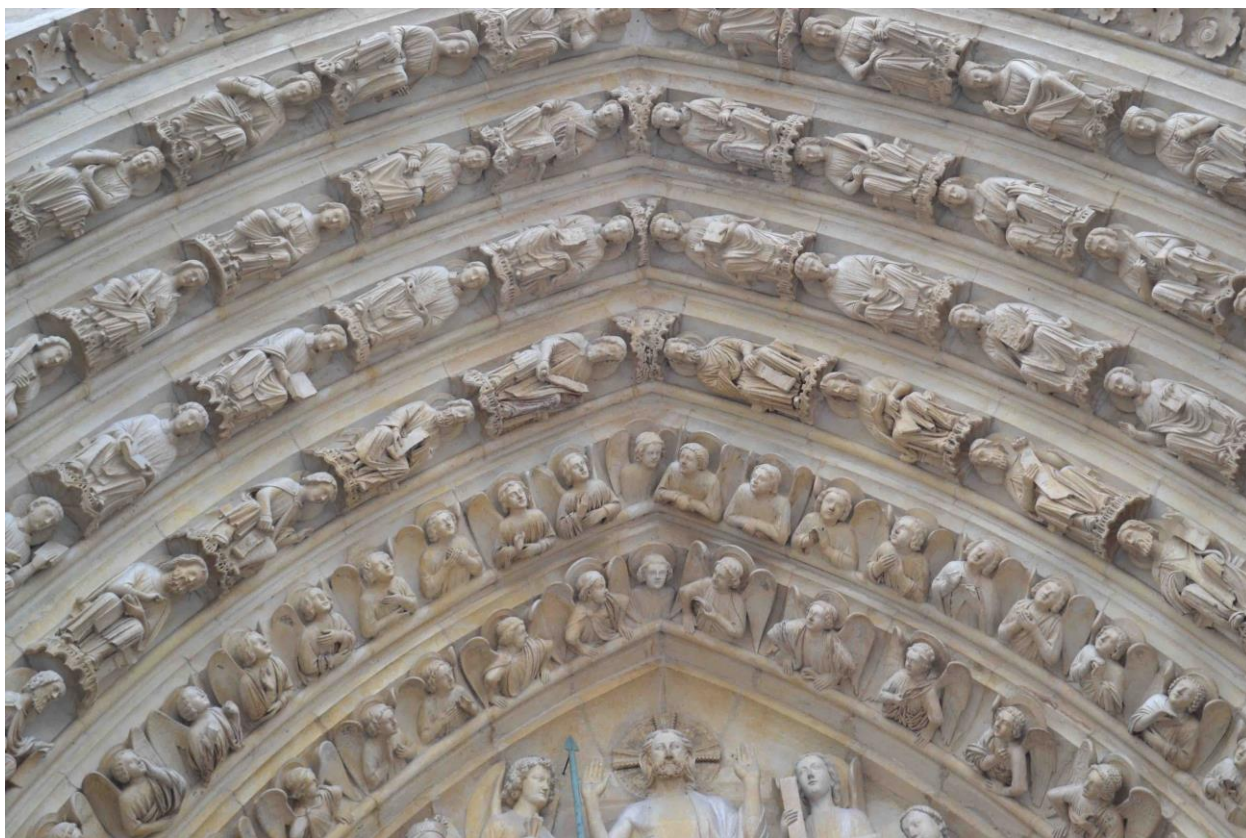
Справа, в пространстве Ада, очень натурально изображаются муки, на которые обречены заблудшие души. Их варят в котлах, их пронзают стрелами, на них скачут верхом демоны прямо над головами больших фигур апостолов. Это было весьма действенное устрашение для средневековых безграмотных зрителей, которым таким путем наглядно объясняли, что ждет ослушников».

Как все это сюрРЕАЛИСТИЧНО показано! Не отсюда ли черпал свои идеи Дали? Еще раз после итальянских мозаик и фресок мы убеждаемся, что при изображении ада фантазия мастера бывает гораздо богаче, чем при изображении рая – в жизни, видимо, просто не было никаких аналогий для последнего, зато для первого – чересчур много.

Поразительна также огромная армия фигур, покрывающих перспективные арки стрельчатой части портала – там, где в романском зодчестве их образуют простые валики, иногда украшенные растительным орнаментом. В готике это могут быть различные профили из валиков и выкружек. В Сен-Шапель, например, такими профилями отделан нижний портал, а верхний покрыт фигурами. Здесь же, в огромных порталах, содержащих по 6 перспективно уменьшающихся рядов, пространство между узкими валиками сплошь заполняют миниатюрные фигуры, которые издали можно принять за сложный узор.

Четыре внешних (более широких) ряда состоят из сидячих фигур в полный рост. Конечно, им неудобно парить в воздухе под углом к земле, но восхищает удивительная реалистичность изображения: все они различаются

лицами, одеждой, позой, инструментарием, который держат в руках – очевидно, то это жители города атрибутами своей профессии.

Зато в двух внутренних рядах поясные фигуры изображены как будто смотрящими в окно, удобно опершись подоконник. И неважно, что у них сзади крылышки, они демонстрируют разные эмоции, а кое-где совершенно по-человечески болтают друг с другом.

Если предположить, что для каждого изображенного лица какой-то реальный человек служил моделью, то перед нами – колоссальная портретная галерея парижан, живших 800 лет тому назад. Какой материал для сравнений! Еще один вывод: эти чисто светские, бытовые изображения появились за несколько веков до того как светское искусство в эпоху

Возрождения получило официальные права. Так что не надо смотреть на церковное искусство как на опиум для народа, оно отражает все виды жизни – и сакральную, и земную.

А эта дама между порталами – наверняка уже XIV в. Характерный изгиб, некоторая жеманность позы и в то же время - свободная реалистичная передача натуры говорят о том, что это произведение зрелой (или перезрелой?) готики.

Как только я это все сфотографировала, мы вошли в Собор.

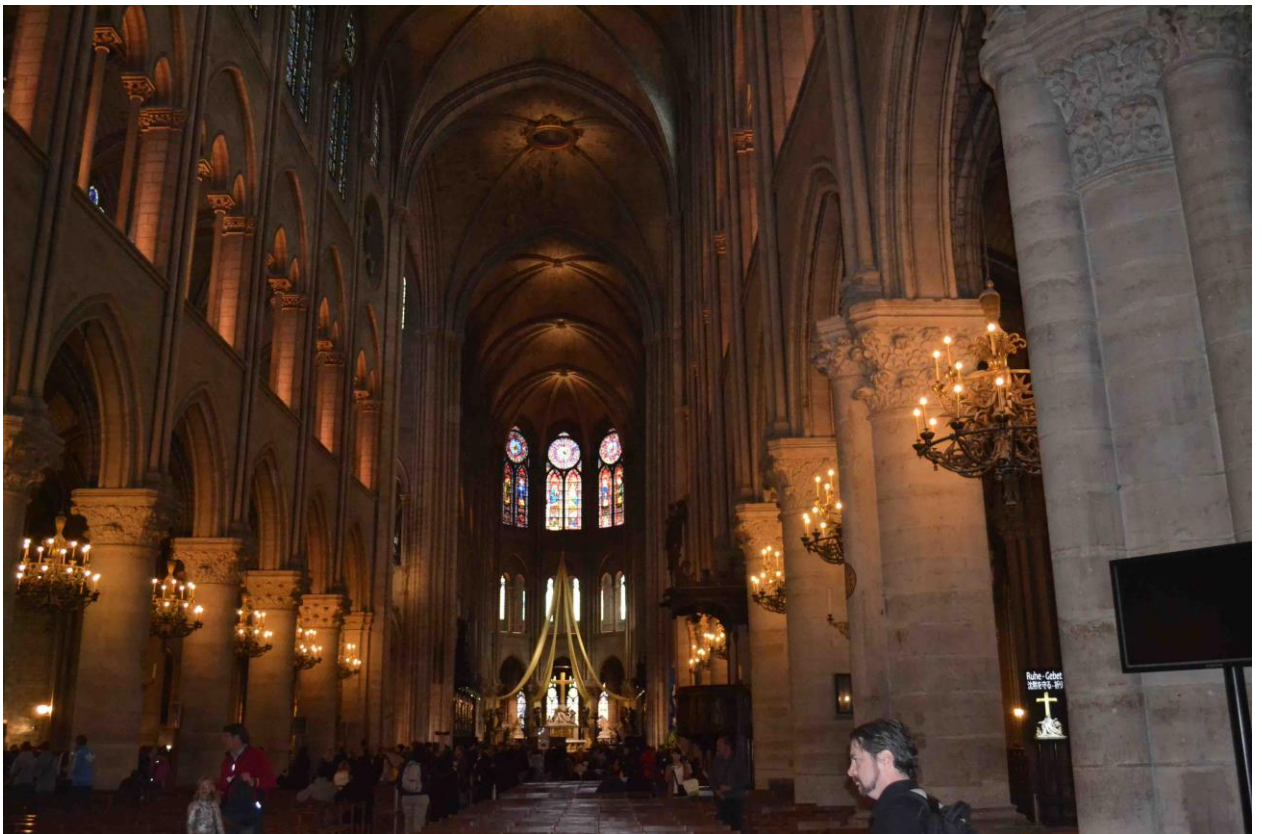
Вот здесь впервые выяснилась сложность нынешнего путешествия: наша группа состояла из трех человек, у каждого из которых были собственные

эстетические представления, цели и программа их достижения. Танька, готовая, как амок, носиться до полного изнеможения по запланированному маршруту, Женя, снимающий видеофильм и от природы склонный к созерцательности и длинным планам, и я, видевиший уже этот Нотр и склонный получать удовольствие по возможности в ни к чему не обязывающих формах – так, пощелкивая фотоаппаратом, когда пришла такая фантазия. Ну и, путем естественного отбора, именно на меня легла функция координации войска – нахождения постоянно в точке, откуда видны оба остальных члена нашей Чрезвычайной Тройки в составе Лебеда (это жена), Рака (меня самого как наименее скоростного) и Щуки – Женечки, все время норовящего куда-нибудь нырнуть – во избежание потери друг друга в толпе, что привело бы потом к неизбежной торможению и нарушению жесткого Танькиного графика. Какое-то время мне это удавалось...

Вошли и оказались в пятинефной базилике с однефным трансептом, почти не выдающимся за границы боковых нефов, посредине.

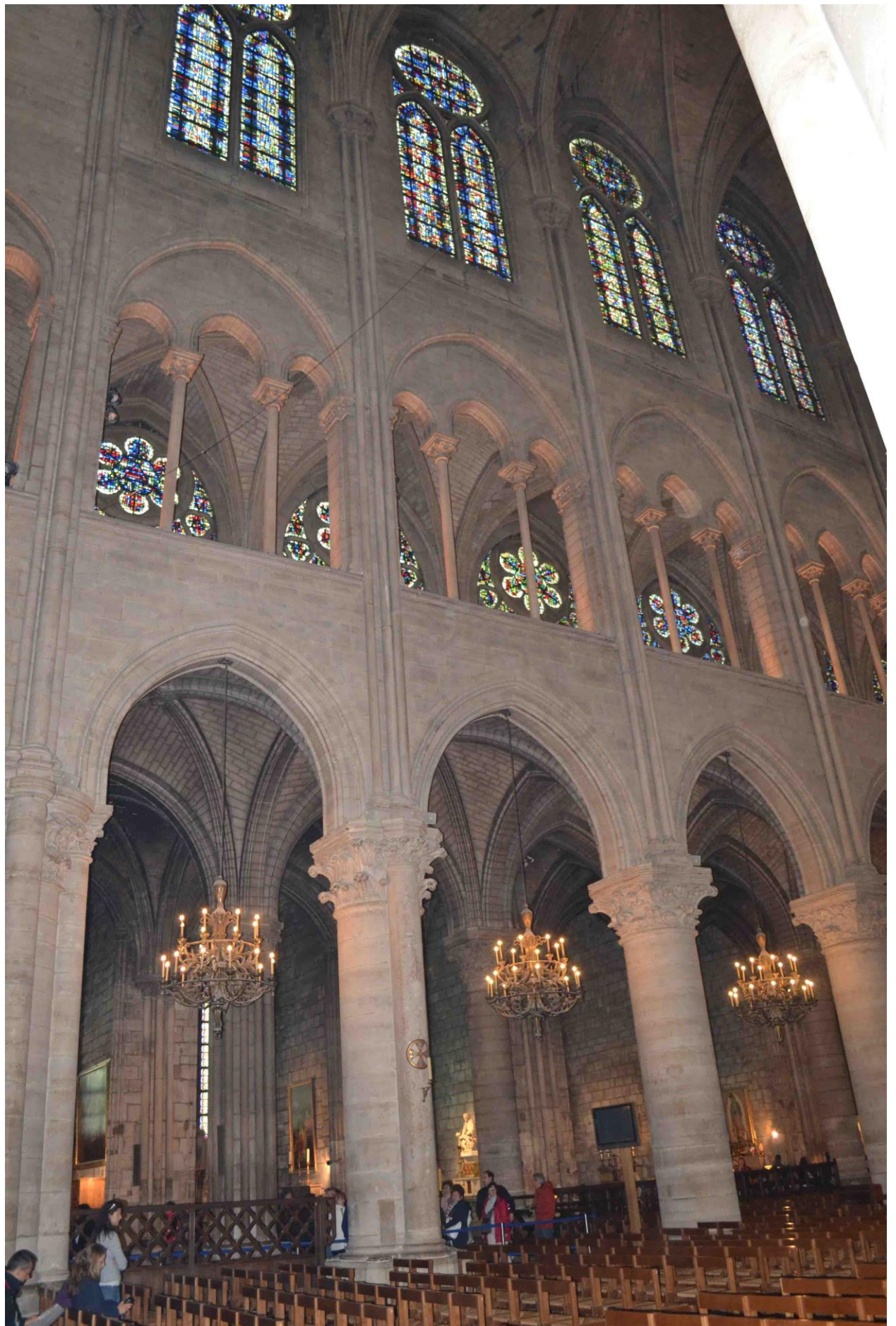

Нефы разделяются тяжелыми круглыми колоннами — именно колоннами со всеми атрибутами классической колонны, в том числе с капителями, «подражающими коринфским», — сами видите, с какими-то недоделанными завитушками вместо листьев:

На эти капители опираются не опускающиеся до пола нервюры шестилопастных крестовых сводов:

Колонны соединяются арками, лишь слегка заостренными, почти круглыми, такую же форму имеют арочки трифориев — разделенных на три части окон эмпор над боковыми нефами. Над ними расположены, как обычно, окна центрального нефа (клерестории), и если бы не витражи, они ничем не отличались бы от романских — ни по форме, ни по размерам:

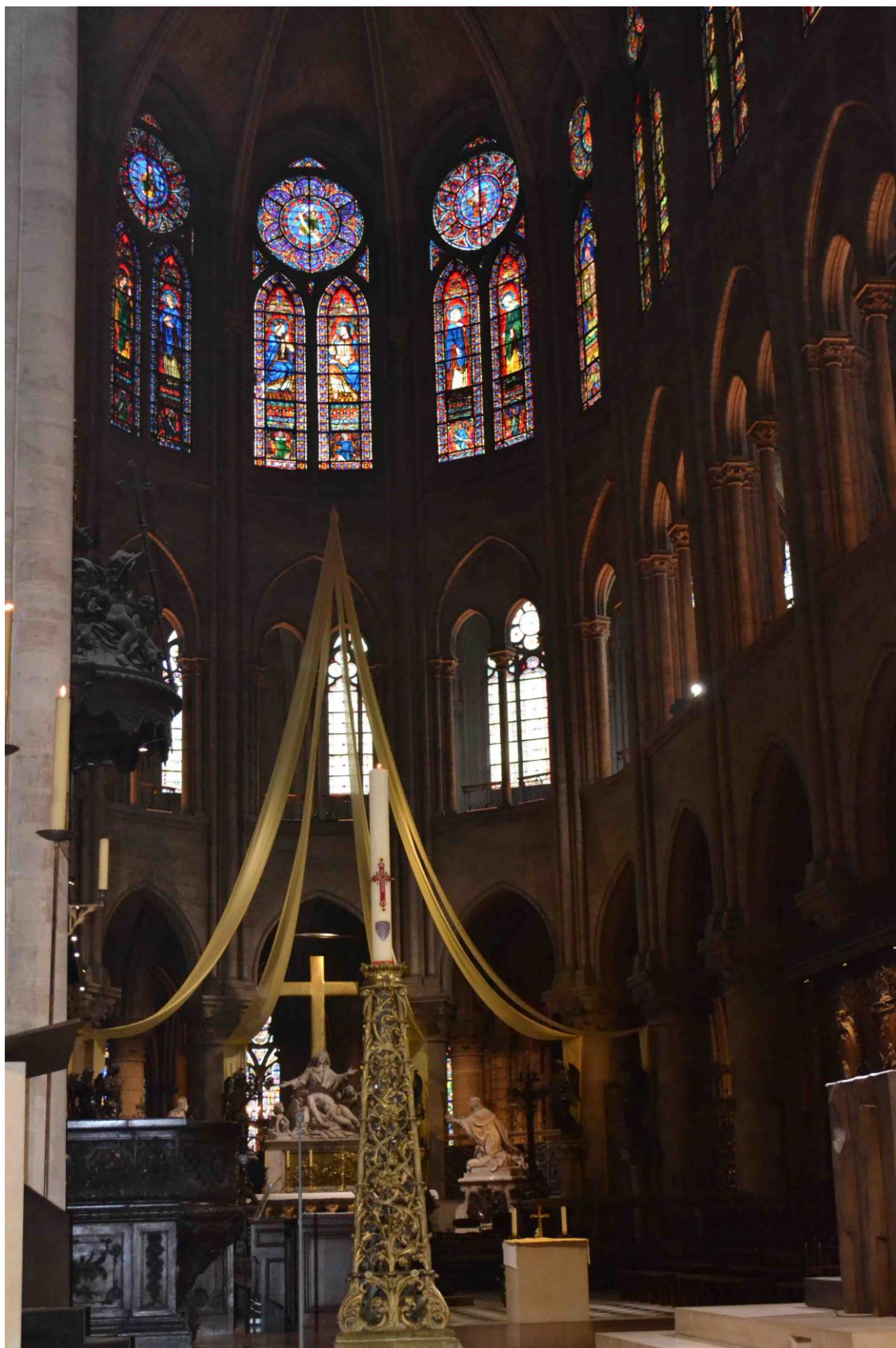

Боковые нефы закругляются вокруг алтаря, образуя так называемый двойной хоровой обход:

Сквозь небольшие окна под высоченными сводами почти не проникает свет, здесь сумрачно, как в любом романском соборе, а «тесно поставленные... колонны ... придают интерьеру собора, при всей ясности его подразделения, несколько тяжелый вид» - это еще мягко сказано! Огромные массы камня вокруг относительно тесного свободного пространства вместе с полумраком просто давят, оказывая гнетущее впечатление. В Италии храмы не меньшего размера – как, например, Пизанский собор того же XII в. – все-таки перекрывались плоским деревянным потолком, а не каменными сводами, поэтому им не нужны были столь мощные опорные конструкции. В результате там было больше свободного пространства, света и воздуха. Получается, что в погоне за размерами, которые должны были обеспечить большую вместимость, строители не достигли цели – свободное пространство «съела» толщина опорных колонн.

Прекрасная алтарная часть заполнена барочной скульптурой, совершенно неуместной в этом архитектурном обрамлении, разглядывать ее не хочется – да и невозможно, т.к. подойти близко нельзя.

Справка. «...скульптурная группа Скорбящей Богоматери (Pieta) и две статуи королей. Эти скульптуры приказал установить в конце XVII века «Король-Солнце» Людовик XIV, выполняя обет, данный когда-то его отцом: седовласый король Людовик XIII протягивает корону Франции Деве Марии. К этому же периоду относятся ряды хора: их деревянная резьба - истинный шедевр барокко.

То же можно сказать и о памятнике графу Гаркуру работы Жана Батиста Пигалля (1714 – 1785), который страшнее всех представляет ужасы смерти.

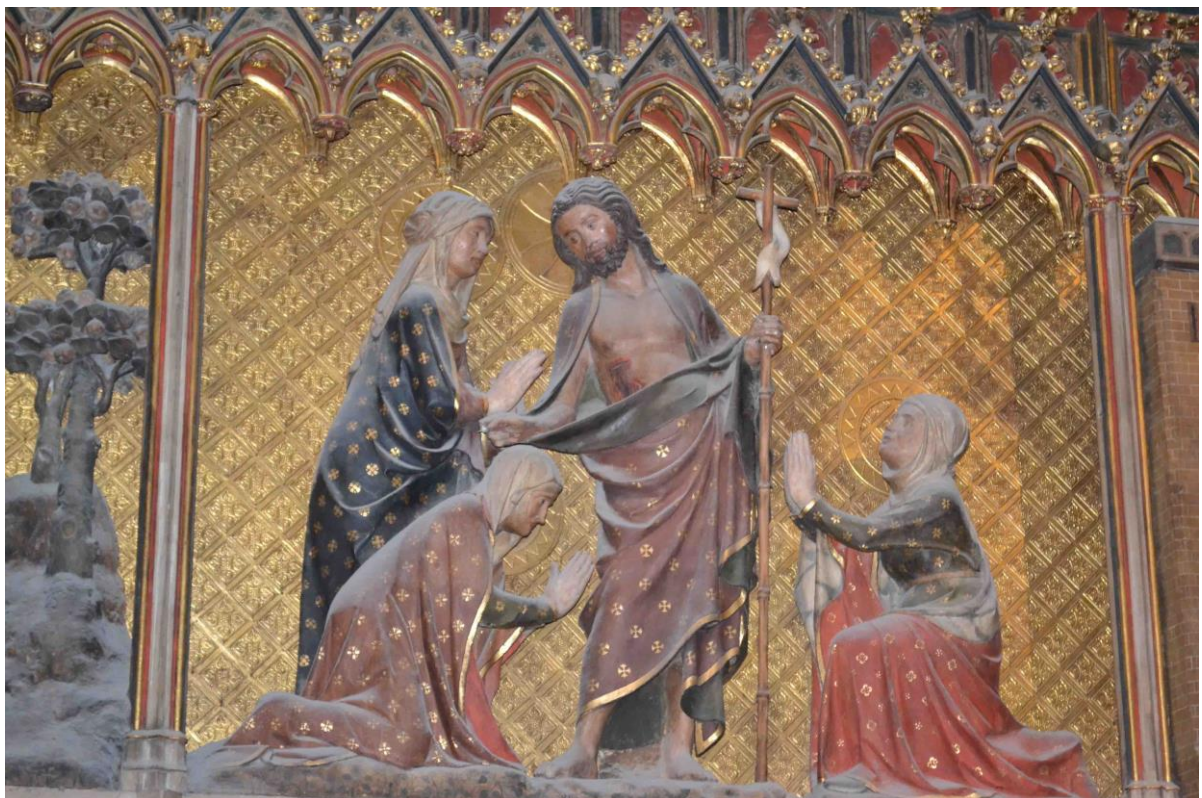
«Об изменениях стиля, происшедших в XIV столетии, свидетельствуют изображения из земной жизни Спасителя на загородках хора...», где «в подробнейшем цикле готических изваяний изображено житие Христа.

Рельефы северной стороны, непрерывно следующие один за другим, выполнены в идеалистической манере высокой готики; рельефы южной стороны, помещенные внутри аркад, в своих более плотных фигурах уже выказывают то стремление к реализму, которое более явственно выступает в надгробных портретных изваяниях XIV столетия».

Как же, однако, в Париже любят все раскрашивать! Как-то по-детски все это выглядит, несмотря ни на какую манеру:

Таня с Жеком отправились фиксировать внутреннее устройство Нотр-Дам (как будто до них и одновременно с ними этого не сделали уже миллионы, впрочем, удержаться же все равно невозможно), и на некоторое время можно было представить себе траекторию и скорость их движения.

Я же тоже человек и не менее прочих склонен к удовлетворению собственного любопытства, а потому решил, что бдительное наблюдение за членами тройки можно ослабить, и нырнул в сторону – в сокровищницу собора под названием «Трезор». Вот интересно, как это возвышенное французское слово у нас превратилось в собачью кличку?

Не сказать, чтобы этот склад драгоценностей потрясал воображение – кому надо много золота и бриллиантов – это в Оружейную Палату, но кое-что там таки блесит. Танька, увидев снятые мной там кадры, ревниво протянула: - А ты где это снял?

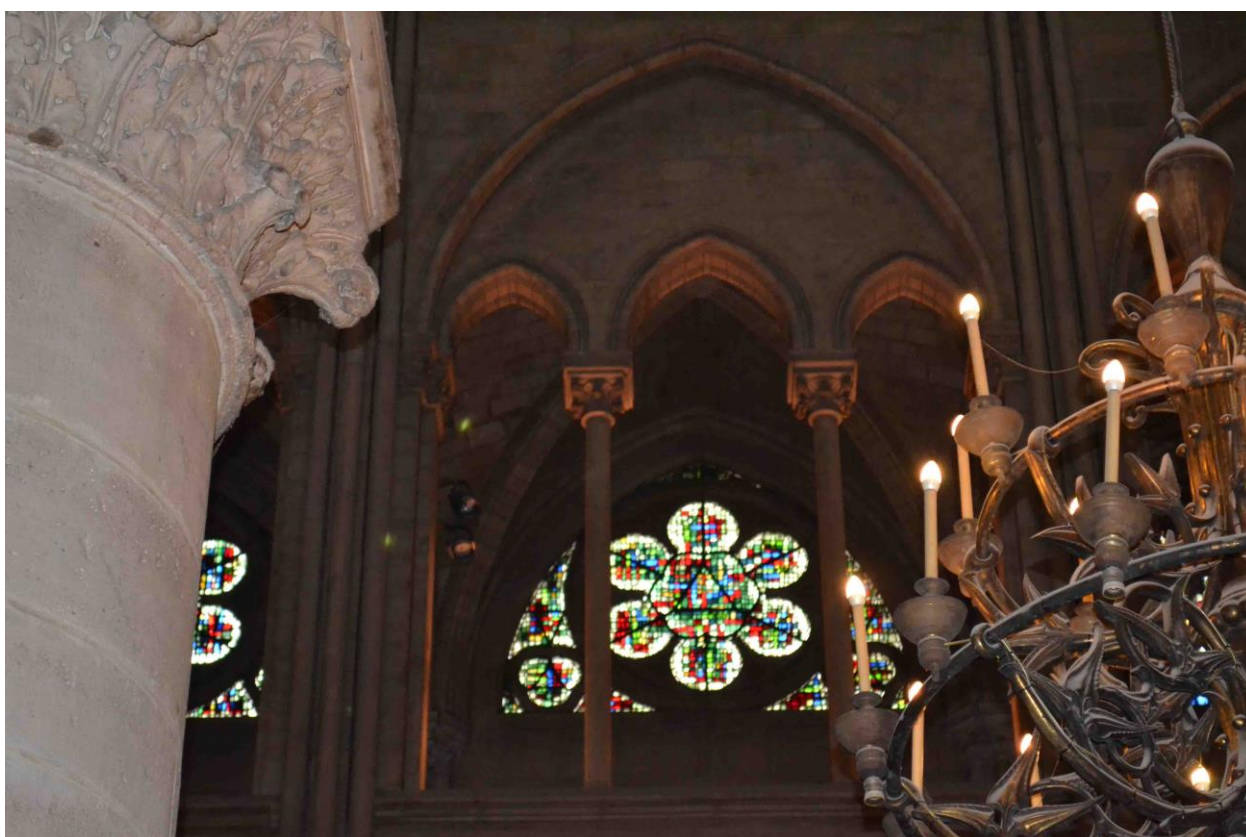

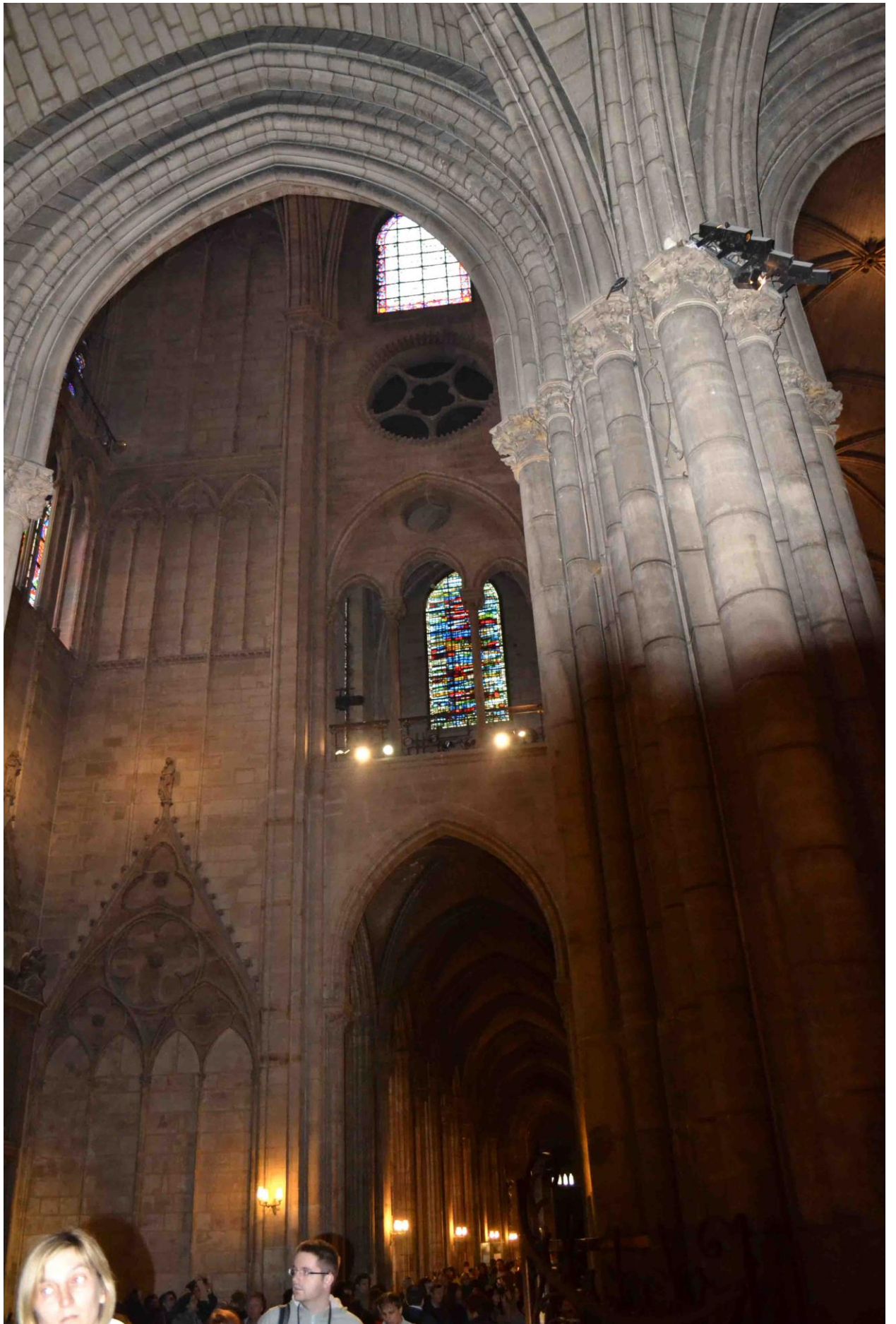
Места надо знать! Не тащиться за толпой и не жалеть четыре евро!

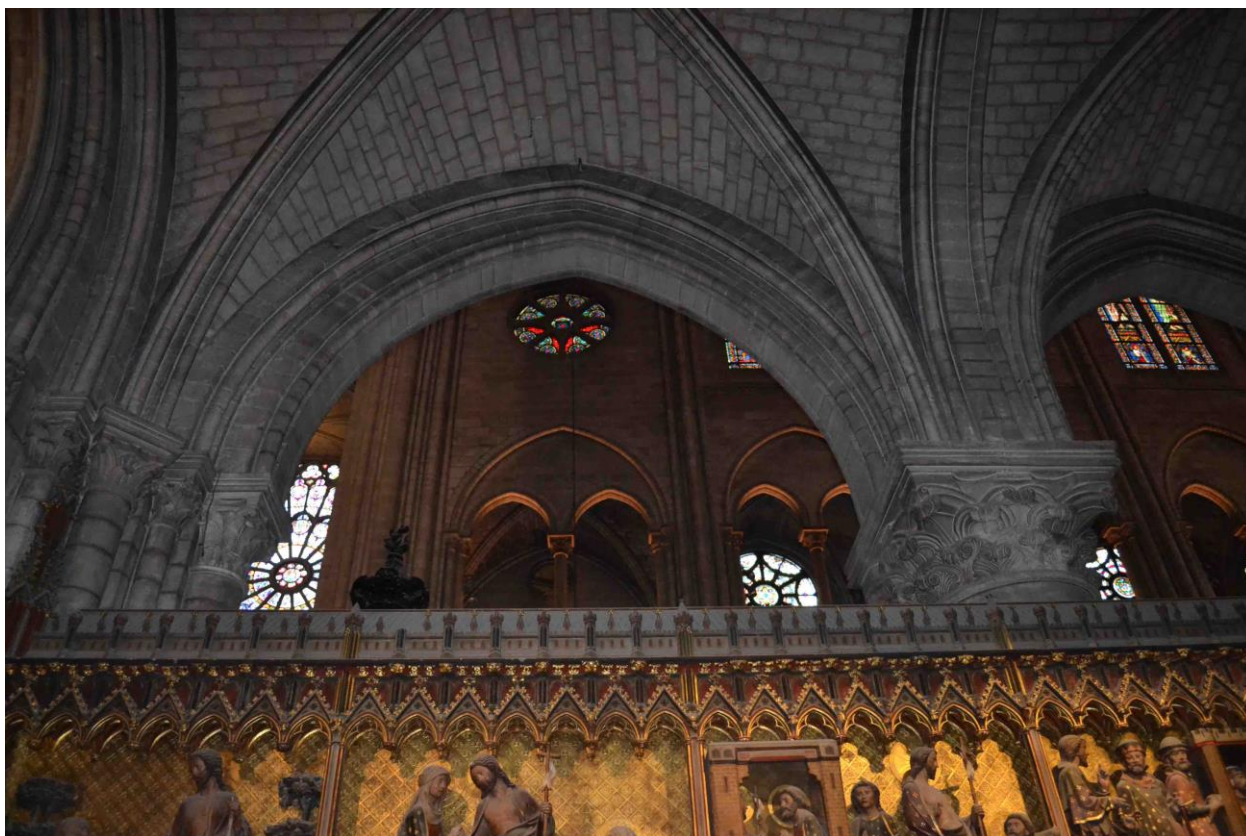
К счастью, за время моего рывка мои мателоты не успели разбежаться по окраинам Парижа, и мы продолжили движение в том же маневренном строю.

Только не подумайте, что Нотр-Дам мне не понравился. Как ни парадоксально, но в этой темноте и тесноте есть своя особая прелесть: с

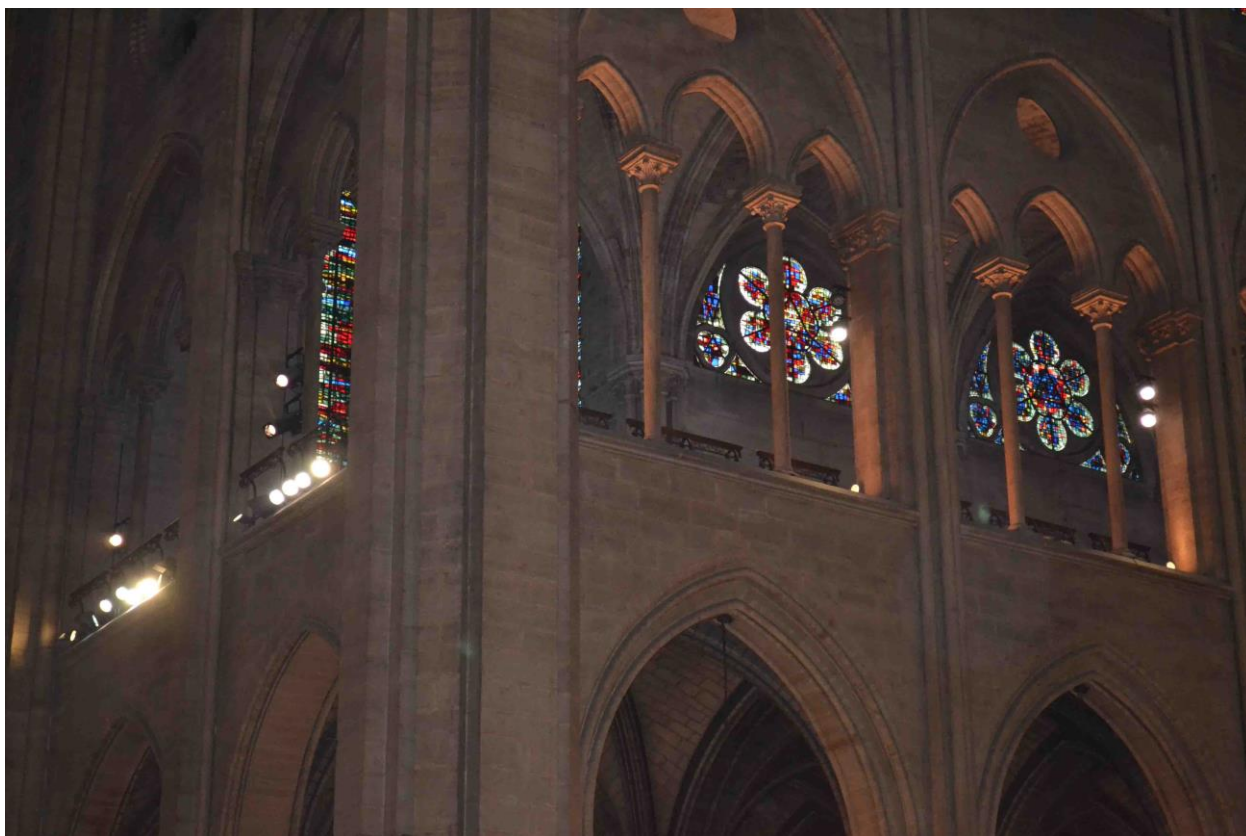
каждой точки, как всегда, открывается совершенно иной вид, по-своему сопрягаются арки, выстраиваются новые перспективы, все это манит и завораживает...

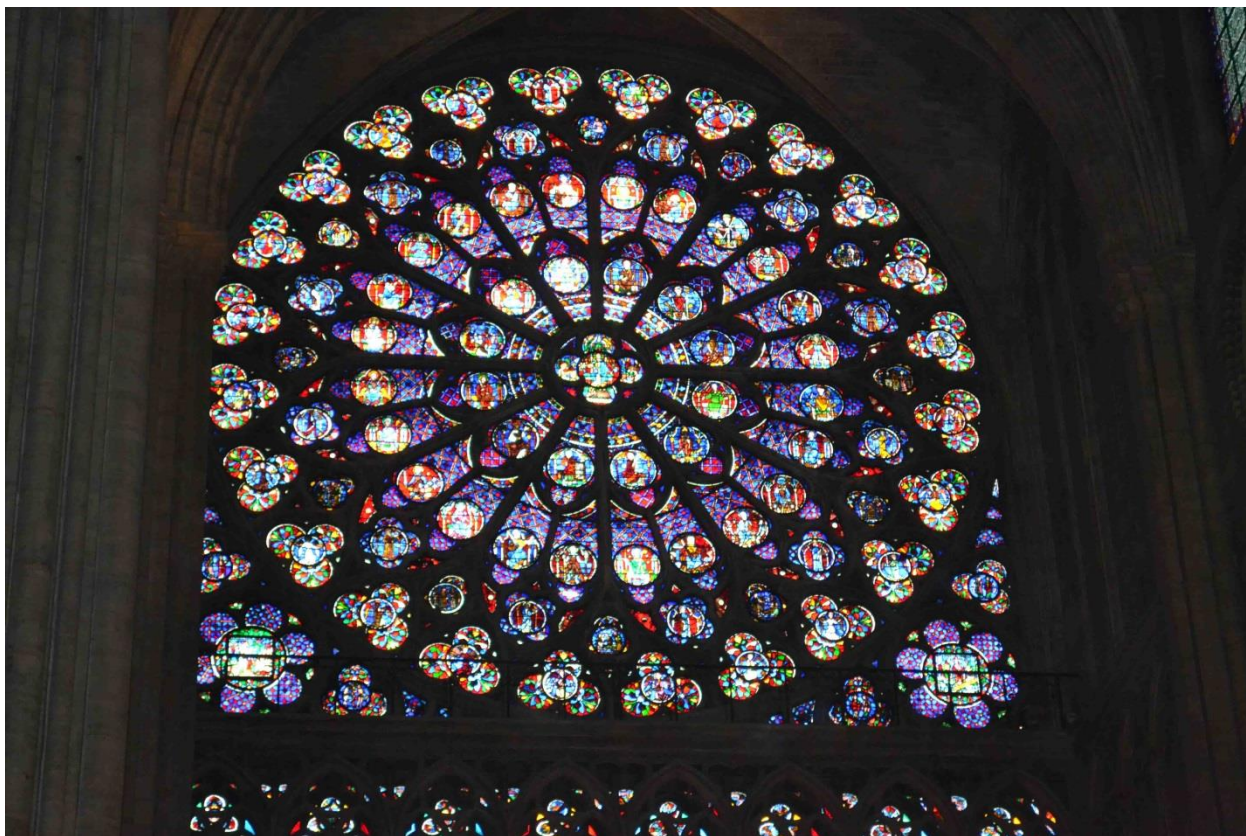

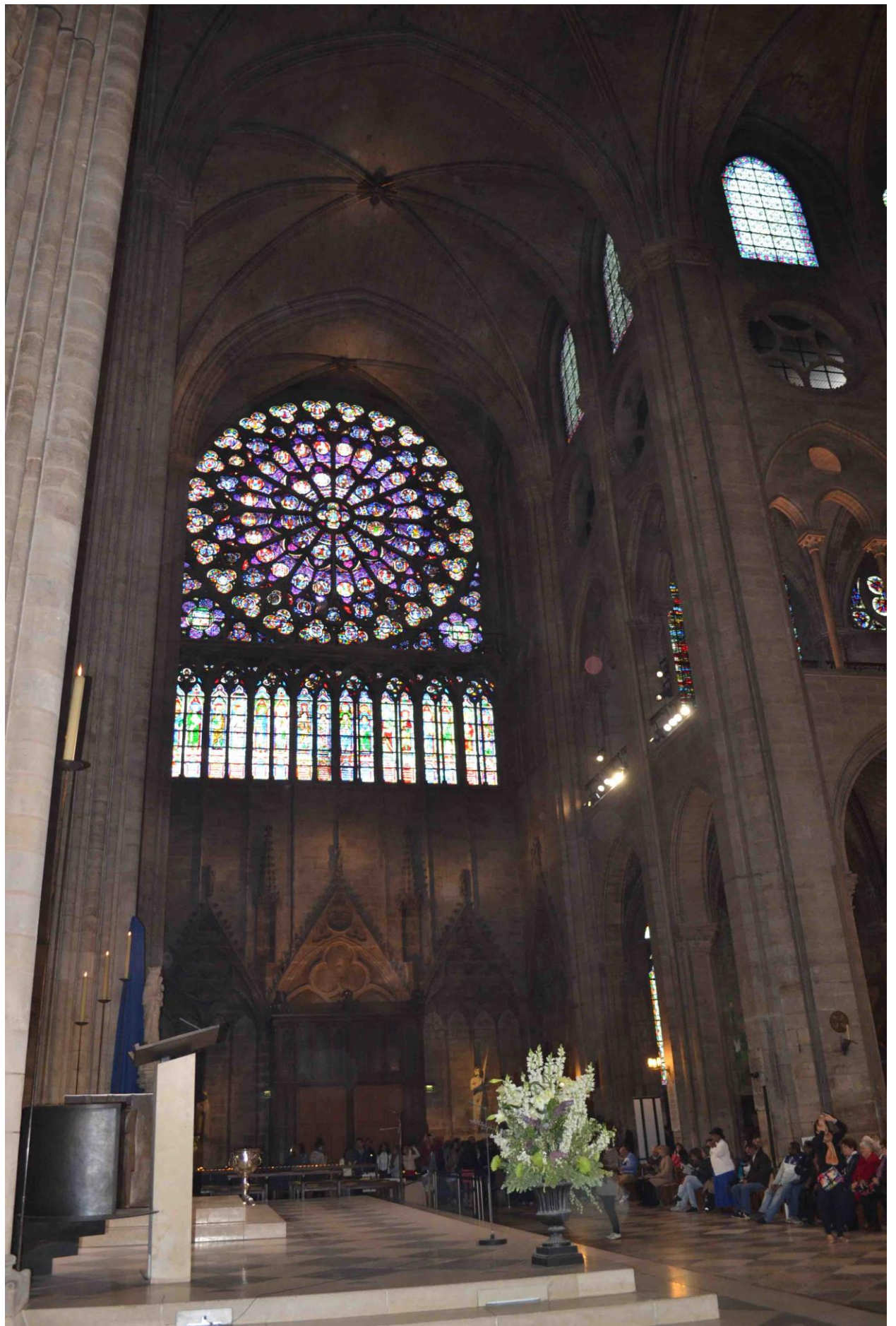
Особенно его украшают единственная, если не считать легкой стрельчатости арок, готическая черта – витражи.

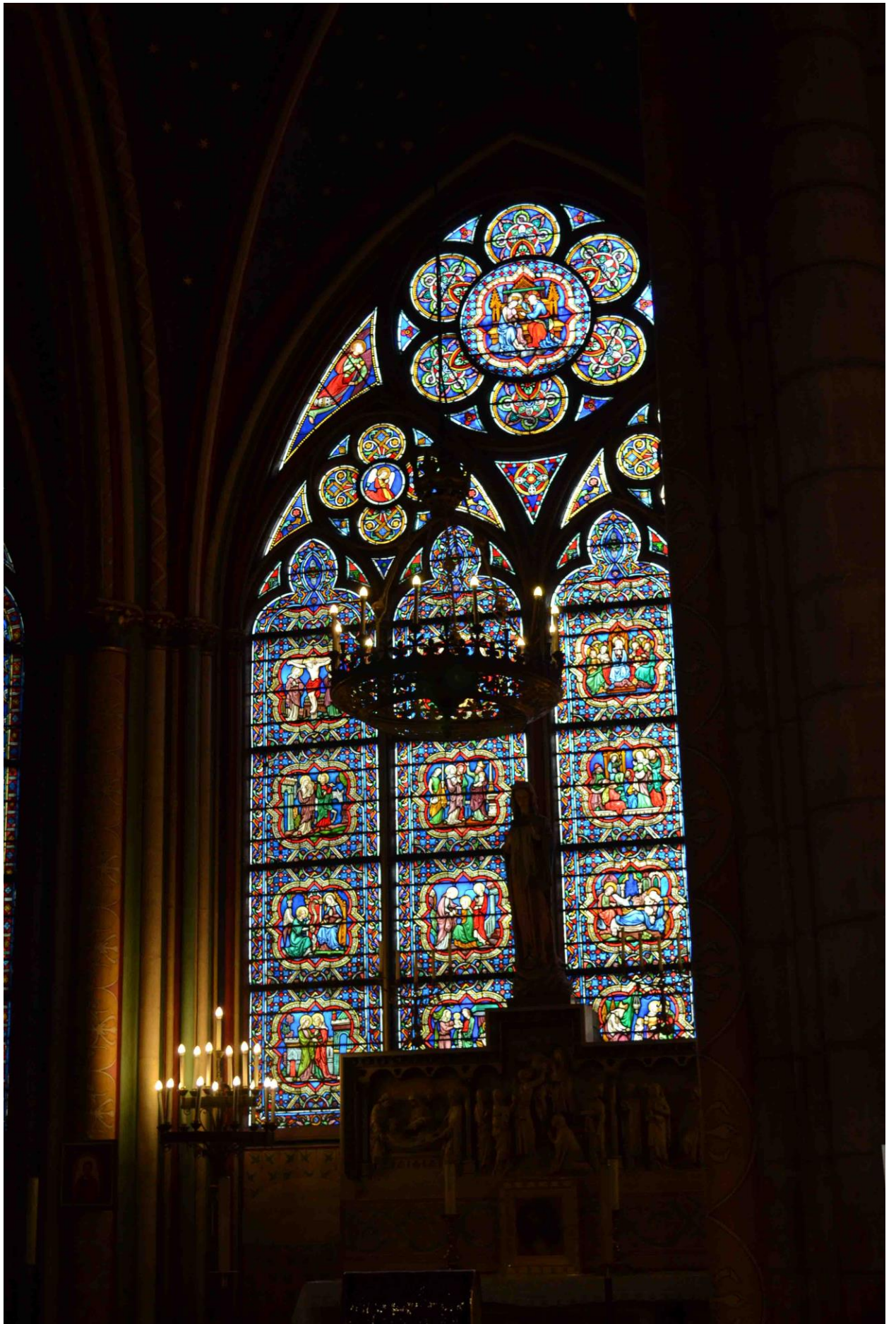

В боковых нефх они почти современные, а на западном фасаде и фасадах трансепта – огромные розы содержат подлинные древние витражи. «Роза северного поперечного нефа, имеющая 13 м в диаметре, сохранилась лучше других. На ней можно увидеть фигуры пророков и царей из Ветхого Завета. В центре, озаряемая 16 лучами, сидит Мадонна с Младенцем, чей образ обращает нас к Новому Завету и к спасению, т. е. к тому сюжету, которому посвящена роза южного поперечного нефа, расположенная напротив». Впрочем, полюбоваться древней живописью по стеклу все равно не удастся из-за высоты, на которой они расположены, но в качестве декоративного элемента все они производят волшебное впечатление:

В общем, романтическая средневековая красота Собора неопишима, а для человека с воображением он кажется полным загадок и тайн.

Так и не разгадав их, мы вышли, наконец, из собора и собрались было обойти его вдоль Сены с правого, южного фасада, но там все было загорожено. К моему большому сожалению, нам не удалось рассмотреть южный фасад трансепта, про который К. Верман написал следующее:

Справка. «...трансепт ... получил (с 1257 г.) свои великолепные фасады — произведения Жана из Шеля. Французская скульптура XIII столетия представляется искусством еще более свободным, чем готическое зодчество, у которого она находилась на службе. Она лучше всего доказывает, что между средневековым искусством и искусством Ренессанса нет пропасти и что даже Ренессанс XVI столетия во многих отношениях лишь сделал общим достоянием то, чем уже обладала в своих лучших созданиях высокая готика XIII столетия. ...скульптуры фасадов трансепта работы Жана из Шеля служат примерами наивысшей свободы и блеска, достигнутых французской пластикой во второй половине XIII столетия. Рельеф с сюжетом из жития св. Стефана на портале южного крыла трансепта, скомпонованный в высшей степени просто и ясно, в любую пору считался бы произведением классическим».

Пришлось нам довольствоваться обходом с левой, северной стороны. И тут нас ждало настоящее открытие.

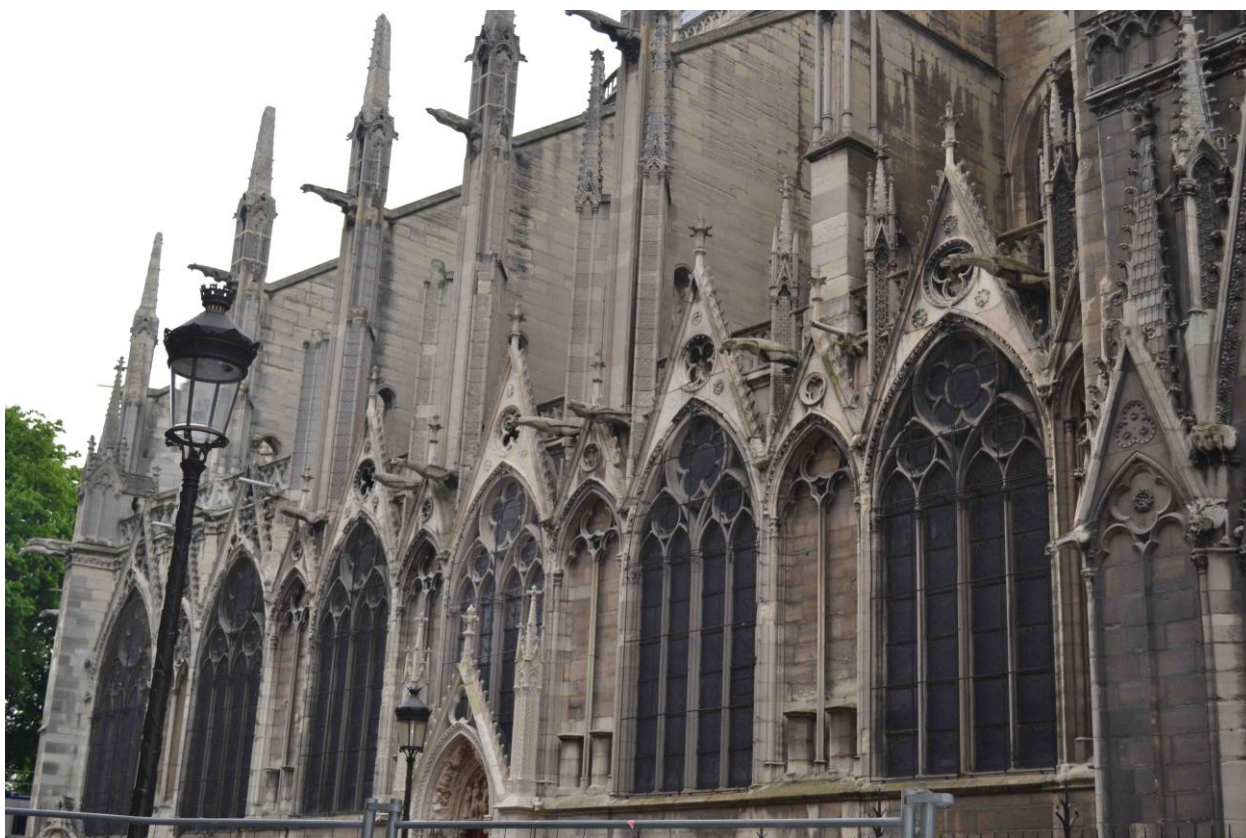
Вот где кроется готика Собора! При взгляде на боковые и восточный фасады видно, что это настоящий готический храм. И дело вовсе не в ле-Дюковских горгульях, которые здесь, впрочем, кажутся абсолютно естественными: готика — в самой конструкции, которую никакой реставратор не в силах симитировать. Стены подпирают мощные контрфорсы с аркбутанами, особенно грандиозные со стороны апсид. «У хора Нотр-Дама они столь массивны, что превосходят все другие аркбутаны, построенные в эпоху средневековья»:

Здесь же, в нижнем ярусе апсид, видны огромные массверковые окна, заполняющие пространства между контрфорсами, почему-то не увиденные нами изнутри.

Всю конструкцию украшает полный набор готических декоративных элементов: завершающие окна вымперги,

усеянные краббами фиалы и обилие ажурной каменной резьбы:

а также отсутствующие в Сен-Шапель балдахины - надстройки в виде крыши на колоннах, увенчивающие контрфорсы и оканчивающиеся флеронами (крестоцветами) - украшение наверху в виде цветка:

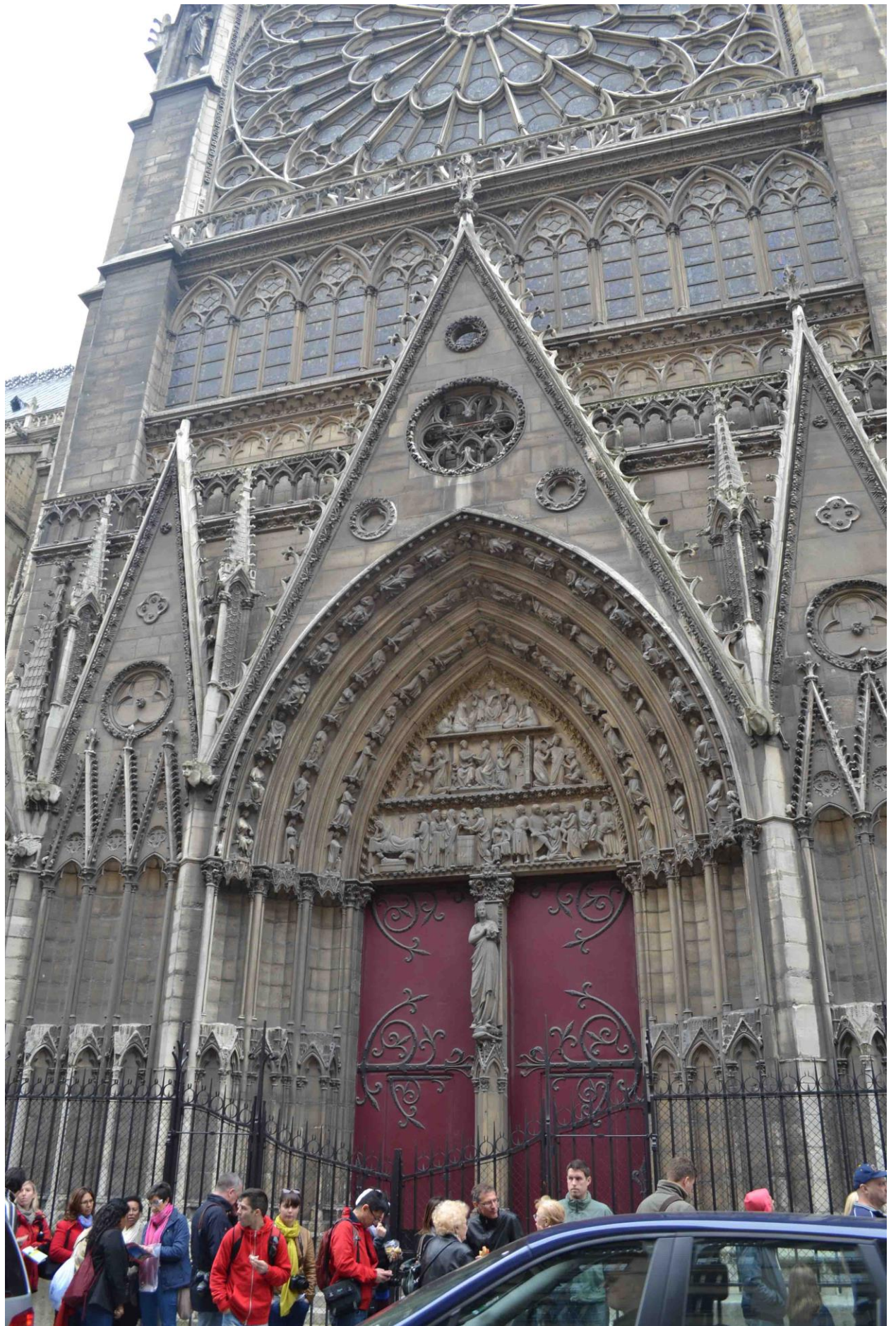

Особенно живописен готический фасад трансепта с огромной розой:

А вот и знаменитый портал – произведение некоего Жана из Шеля:

«Красивая Мадонна среднего портала северного крыла уже изображена в позе, обещающей вскоре сделаться манерной»:

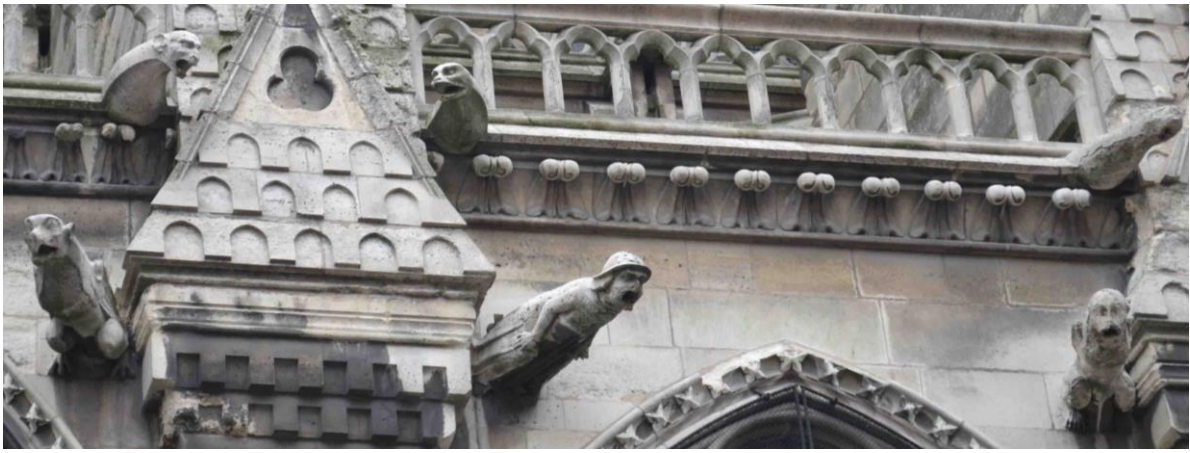
Так что беру назад все свои инсинуации в отношении мистификации со стороны Виолле-ле-Дюка (хотя, по меткому выражению одного из путеводителей, после его реставрации соборы выглядят более готическими, чем были на самом деле). Как это могло получиться – готический скелет с

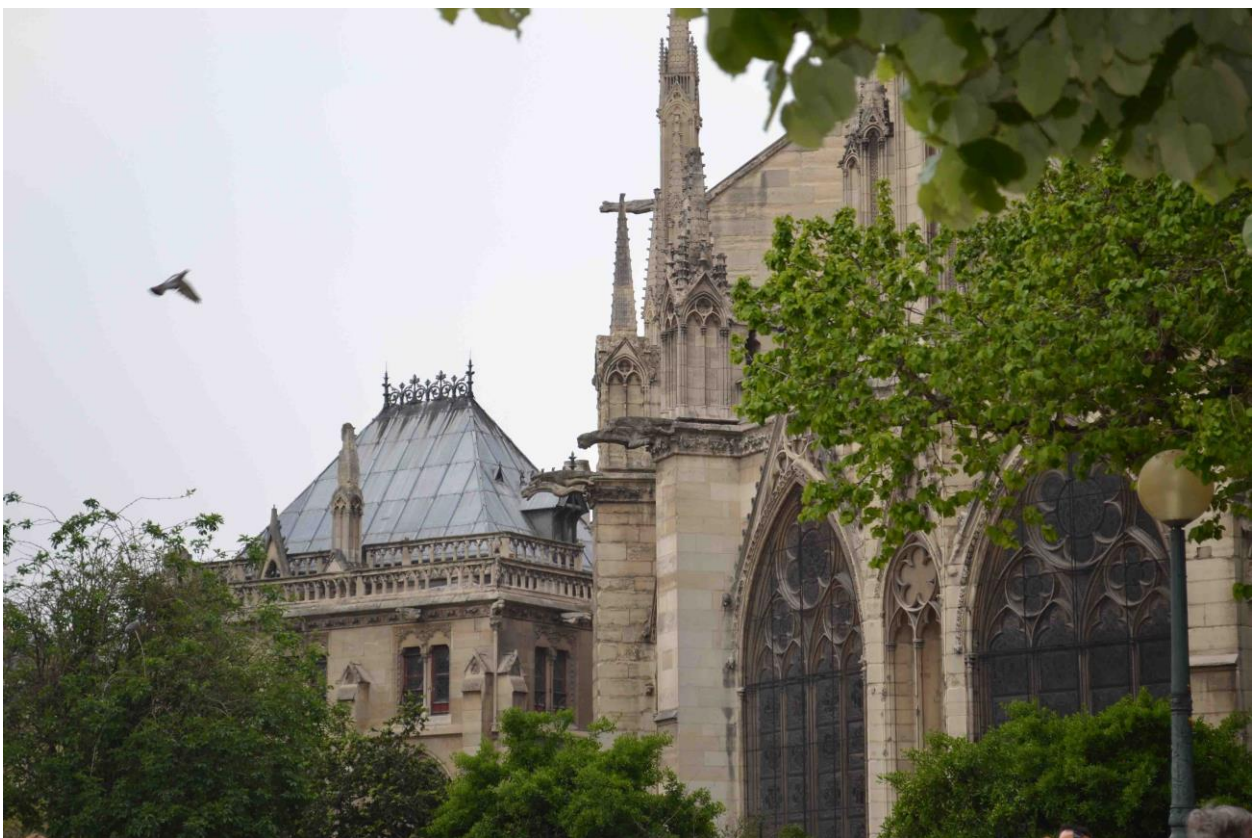
декором при романском интерьере, а главное, зачем, какую роль он выполняет, если структура здесь никак не связана с функцией?

Жек, вышедши из собора, критикан – весь в папу, заметил, что в Нотр-Дам ему не хватало света (не для съемок, а вообще). Танька тут же извлекла из бездонной библиотеки в своем мозгу оправдания и извинения промахам архитектора, но, в целом, мы с сыном согласились, пятна есть и на солнце. Настоящий свет готических соборов мы еще увидим, но об этом будет в своем месте.

Ответ - в истории постройки. В справке сказано, что собор был заложен в 1163 г. и строился 182 года, т.е. строительство заняло весь XIII и часть XIV в. (это еще не максимальный долгострой: Миланский и Пражский соборы, например, были закончены только в XIX в.). На самом деле это не вполне точное определение. Позже, познакомившись с Соборами в Сен-Дени и Шартре, мы узнали, что оба они были возведены в XII в. в стиле РАННЕЙ готики – УЖЕ имели готическую конструкцию при романских чертах интерьера и декора, т.к. это были всего лишь первые попытки создать нечто новое, не получившие пока полного логического завершения. Впоследствии по разным историческим причинам они были перестроены в развитом готическом стиле, сохранив, однако, свои первые западные фасады. То же произошло и с собором Нотр-Дам: «Подвергся в это время перестройке и собор Парижской Богоматери», но сохранил в первоначальном виде не только западный фасад, но и интерьер. В общем, перед нами, если говорить объективно, романско-готический гибрид, такой же нелепый, как и горгульи не его водостоках:

А если субъективно, - как он все-таки красиво в нем сочетание древности, мощи и изящества!

Следующим номером был запланирован подъем на башни, чтобы увидеть Париж сверху и, главное, осмотреть знаменитых, хотя и не древних обитателей кровли Собора. Но, увидев очередь во всю длину храма, и убедившись, что музейная карта в данном случае от нее не избавляет, поняли, что рискуем остаться здесь по крайней мере до середины дня, и решили отказаться от этой затеи.

Между тем мои мужчины притомились и проголодались. Поскольку обед должен был состояться в рекомендованном месте несколько позже, я

предложила им перекусить на ходу превосходным французским багетом с разнообразными начинками, которые продавались тут же, у стены Собора, в многочисленных киосках, но они гордо отказались жевать на ходу – а зря, потому что, как выяснилось позже, эти бутерброды оказались действительно вкусными. Пока они сидели вот в этом сквере с готическим стилизованным фонтаном позади Нотр-Дам,

я пыталась (безуспешно) рассказать все, что знала об этом районе.

А рассказать было что.

К северу от собора располагается нынче единственный небольшой жилой район острова - квартал Ансьен-Клуатр:

Как следует из его названия, изначально здесь располагался клуатр Нотр-Дам, который был частью особого городка, в котором жили каноники, епископы и пр. служители Собора. В XII веке здесь была школа Нотр-Дам –

предшественница Университета, где учился, а затем и преподавал Абельяр. В числе преподавателей кроме него были Гийом де Шампо, М. де Сюлли, св. Доминик, св. Бонавентура. Здесь в часовне Сент Аньян проповедовал св. Бернар, а прихожанами были Абельяр и Элоиза. Можно сказать, что именно здесь родилась вся европейская «ученость» - философия прежде всего, которая затем выплеснулась на левый берег Сены. А дом, где жили Абельяр и Элоиза, находился с другой стороны Собора – на набережной цветов, называемой так по существующему до сих пор цветочному рынку, обозначающему наиболее раннюю границу города.

С севера-запада от собора находится новое (Османновское) здание больницы Отель-Дье (Божий дом) – первой в городе, которую построил одновременно с Собором (12 в.) Морис де Сюлли. Поскольку одна была тогда единственной и бесплатной, мест, разумеется, не хватало – на одной койке по очереди спали несколько человек. Но все-таки им оказывали медицинскую помощь, какая была возможна в то время. Нынешнее здание роскошно, отвечает всем современным требованиям и поныне служит по назначению – городской больницей. Вот так оно выглядит с правого берега Сены:

Немного переведя дух, через крохотный мостик Сен-Луи перешли на одноименный остров.